

Машина времени. Рассказы

Автор:

[Герберт Уэллс](#)

Машина времени. Рассказы

Герберт Джордж Уэллс

«Машина времени» – первый научно-фантастический роман Герберта Уэллса, описывающий путешествие в мир будущего, населенный двумя видами существ, в которые превратился человек: морлоков, обитающих в подземном мире и обслуживающих машины, и хрупких элоев, совершенно не приспособленных для труда. Также в книгу вошли рассказы разных лет.

Герберт Уэллс

Машина времени. Рассказы

H. G. Wells

THE TIME MACHINE

Печатается с разрешения The Literary Executors of the Estate of H G Wells и литературных агентств AP Watt Limited и Synopsis

© The Literary Executors of the Estate of H G Wells, 1895

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Машина времени

I

Путешественник по Времени (так приходится его называть) рассказывал нам самые странные вещи. Его серые глаза загорались и сияли, его лицо, обычно бледное, покрылось румянцем и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет электрических лампочек, похожих на серебряные лилии, вспыхивал и пропадал на наших стаканах. Стулья, единственные в своем роде, скорее ласкались к нам, чем служили местами для сидения, в воздухе царил та изнеженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, отрешенная от строгой определенности, легко и свободно скользит от предмета к предмету...

Вот как излагал он нам свою мысль, отмечая интересные места движениями своего тонкого указательного пальца, пока мы лениво сидели и удивлялись его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли).

– Прошу вас внимательно следить за мной. Мне предстоит опровергнуть одну или две из почти общепринятых идей. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на недоразумении...

– Не предполагаете ли вы, что это слишком сложный предмет, чтобы начинать с него свои доказательства? – сказал рыжеволосый Фильби, большой спорщик.

– Я и не ожидаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вы скоро согласитесь со мной, поскольку это необходимо. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия без толщины, не имеет реального существования. Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Учили вас этому? Все это чистые абстракции.

– Совершенно верно, – подтвердил Психолог.

- Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и толщиной...

- С этим я не могу согласиться, - заявил Фильби. - Без сомнения, твердое тело может существовать. А все существующие предметы...

- Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать мгновенный куб?

- Не понимаю вас, - сказал Фильби.

- Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не имеет хотя бы временного существования?

Фильби задумался.

- А из этого ясно, - продолжал Путешественник по Времени, - что каждое реальное тело должно обладать протяжениями по четырем измерениям: оно должно иметь длину, ширину, толщину и продолжительность существования. Но вследствие прирожденной ограниченности нашего ума мы склонны не замечать этого факта. В действительности же существуют четыре измерения, из которых три мы называем измерениями Пространства, а четвертое - Временем Существования. Правда, хотят провести различие между тремя первыми измерениями и последним, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца непрерывно движется лишь по одному направлению этого последнего измерения.

- Это, - произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия зажечь над лампой свою сигару, - это... право, очень ясно.

- А однако же, это совершенно упускается из виду, - продолжал Путешественник по Времени с легким оттенком веселости в голосе. - Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые, трактующие о Четвертом Измерении, не совсем разбираются в этом. Это просто другой способ смотреть на Время. Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется вдоль него. Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против

Четвертого Измерения?

– Я не знаю, – заявил Провинциальный Мэр.

– Это очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, считается имеющим три измерения, которые называют длиной, шириной и толщиной, и оно определяется по отношению к трем плоскостям, каждая под прямым углом к двум остальным. Однако некоторые философски настроенные умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только три измерения? Почему не может существовать еще нового измерения под прямым углом к трем остальным? Они пытались создать Геометрию Четырех Измерений. Около месяца назад профессор Саймон Ньюком излагал подобный взгляд перед Нью-Йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить фигуру трехмерного тела. Точно так же, по мнению Ньюкома, при помощи трехмерных моделей можно представить предмет четырех измерений, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

– Мне кажется, да, – пробормотал Провинциальный Мэр. Нахмутив брови, он впал в состояние самоуглубления и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова.

– Да, мне кажется, что я понял теперь, – произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

– Отлично, но я вовсе не хочу рассказывать вам, как я изучал некоторое время Геометрию Четырех Измерений. Однако некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой – когда ему было пятнадцать, третий – семнадцать, четвертый – двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной в Пространстве и Времени.

– Ученые, – продолжал Путешественник по Времени, сделав паузу для того, чтобы мы надлежащим образом усвоили себе сказанное, – отлично знают, что Время – только особый вид Пространства. Вот перед вами диаграмма записей погоды. Линия, которую я отмечаю пальцем, показывает движение барометра. Вчера утром он находился вот на такой высоте, вчера вечером он упал, сегодня

утром снова поднялся и двигался понемногу вверх, пока не дошел до этого места. Без сомнения, ртуть не проводила этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но, во всяком случае, она абсолютно точно определяется нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена погодой по Четвертому Измерению – Времени.

– Но, – сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, – если действительно Время – только Четвертое Измерение Пространства, то почему же и теперь и постоянно, вплоть до наших дней, на него смотрели как на нечто отличное? И почему же мы не можем двигаться по Времени точно так же, как мы движемся по всем остальным измерениям Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся:

– А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем идти довольно свободно вправо и влево, взад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся по двум измерениям. Но что вы скажете насчет движения вверх и вниз? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

– Не совсем, – заметил Доктор. – Существуют же аэростаты.

– Но до аэростатов, помимо неуклюжих прыжков и неровностей земной поверхности, у человека не было другой возможности вертикального движения.

– Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, – сказал Доктор.

– Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

– Но двигаться по Времени совершенно невыносимо, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

– Мой дорогой друг, в этом-то именно вы и ошибаетесь. В этом именно и ошибались все до сих пор. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, вне власти материи и не имеющая измерений, движется с одинаковой быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Протяжению Пространства – Времени. Это совершенно так же, как если бы мы, начав наше

существование на пятьдесят миль над земной поверхностью, равномерно бы падали вниз.

- Однако главное затруднение в том, - вмешался Психолог, - что вы можете двигаться по всем направлениям Пространства, но не можете двигаться по Времени!

- В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что мы не можем двигаться назад и вперед по Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие и возвращаюсь ко времени его совершения, я мысленно отсутствую, как вы говорите. Я на минуту делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому, как дикарь или животное не может остаться висящим в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он вопреки силе тяготения может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же ему не надеяться, что в конце концов он будет способен также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже направить свой путь в противоположную сторону?

- Это совершенно невозможно, - начал было Фильби, - и, кроме того...

- Почему нет? - спросил Путешественник по Времени.

- Это противоречит разуму, - ответил Фильби.

- Какому разуму? - сказал Путешественник по Времени.

- Конечно, вы можете доказывать, что черное - белое, - сказал Фильби, - но вы никогда не убедите меня в этом.

- Возможно, что и нет, - сказал Путешественник по Времени. - Но все же вы рассмотрите вопрос с точки зрения Геометрии Четырех Измерений... С давних пор у меня было смутное желание создать машину...

- Чтобы путешествовать по Времени? - прервал Очень Молодой Человек.

– Ну да! Такую машину, которая могла бы двигаться по любому направлению Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Фильби только рассмеялся вместо ответа.

– Но я проверил возможность этого на опыте, – сказал Путешественник по Времени.

– Это было бы удивительно удобно для историка, – заметил Психолог. – Можно было бы, например, поехать назад и проверить общепринятое описание битвы при Гастингсе!

– Разве вы не побоялись бы привлечь на себя нападение обеих сторон? – сказал Доктор. – Наши предки не очень были терпимы к анахронизмам.

– Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, – сказал Очень Молодой Человек.

– И вы, конечно, провалились бы на экзамене. Немецкие ученые так удивительно усовершенствовали древний греческий язык!

– В таком случае уж лучше отправиться в будущее! – воскликнул Очень Молодой Человек. – Подумайте только! Можно было бы поместить теперь в банк на проценты все свои деньги, а самому поспешить в будущее!

– И обнаружить, – перебил я, – что общество там основано на строго коммунистических началах.

– Из всех экстравагантных теорий!.. – воскликнул Психолог.

– Да, так казалось и мне. И потому-то я не говорил об этом до тех пор...

– Вы можете подтвердить это опытом! – воскликнул я. – И вы можете доказать...

– Требую опыта! – закричал Фильби, уставший от рассуждений.

– Покажите нам ваш опыт, – сказал Психолог, – хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем с той же усмешкой заложил руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы услышали только шарканье его туфель вдоль длинного коридора, ведущего в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас:

– Удивляюсь, за чем это он пошел?

– Наверное, какой-нибудь фокус, – сказал Доктор.

Фильби принялся рассказывать нам о фокуснике, которого он видел в Барселеме, но Путешественник по Времени вернулся, и анекдот Фильби остался неоконченным.

Предмет, который Путешественник по Времени держал в руке, представлял очень искусно сделанный блестящий металлический остов немного больше маленьких часов. Он был сделан из слоновой кости и частично из какого-то прозрачного хрустального вещества. Теперь я должен быть очень точным в своем рассказе, так как все последующее совершенно непостижимо. Он взял один из маленьких восьмиугольных столиков, стоявших в углу, и поставил его прямо перед огнем так, что две его ножки помещались на каминном коврик. На этот столик он поместил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет, и горело около дюжины свечей: две в бронзовых подсвечниках на камине, а остальные в канделябрах, так что комната была ярко освещена.

Я сел в низенькое кресло, поближе к огню, и пододвинул его вперед так, чтобы находиться почти между камином и Путешественником по Времени. Фильби уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали его с правой стороны, а Психолог – с левой. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях мы могли быть обмануты каким-либо фокусом, даже самым тонким и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, а затем на аппарат.

– Ну? – сказал Психолог.

– Эта маленькая штучка только модель, – сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сложив руки над аппаратом. – Это маленькое воспроизведение моей машины для путешествия по Времени. Вы замечаете, что у нее удивительно странный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели:

– Вот в этом месте находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

– Чудесно сделано, – сказал он.

– На это ушло два года, – ответил Путешественник по Времени. Затем, после того как мы все, по примеру Доктора, осмотрели модель, он прибавил: – Я хочу, чтобы вы ясно поняли, в чем дело: при надавливании на этот рычаг машина начинает скользить в будущее, а этот второй рычаг вызывает обратное движение. На седло машины должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг, и машина двинется. Она исчезнет, уйдет в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и за это получить среди вас только репутацию шарлатана.

Наступила минутная пауза. Психолог хотел как будто что-то сказать мне, но передумал. Тогда Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

– Нет, – внезапно сказал он. – Пусть кто-нибудь даст мне руку. – И, обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко

убежден, что здесь не было обмана. Произошло движение воздуха, и пламя лампы заколебалось. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на секунду мы видели ее, как тень, как призрак, как вихрь слабо блестящей бронзы и слоновой кости, – и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Фильби выругался.

Психолог, оправившись от изумления, неожиданно заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

– Ну! – сказал он, намекая на предыдущее «ну» Психолога.

Затем, встав, он подошел к стоящей на камине коробке с табаком и преспокойно принялся набивать свою трубку.

Мы смотрели друг на друга.

– Слушайте, – сказал Доктор, – неужели вы проделали все это серьезно? Неужели вы действительно верите, что эта машина отправилась путешествовать по Времени?

– Без сомнения, – ответил мой друг, наклоняясь к камину, чтобы зажечь клочок бумаги. Затем, закулив трубку, он посмотрел на Психолога. Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.

– Скажу более, – сказал наш хозяин, – у меня там почти окончена большая машина... Там. – Он указал в сторону своей лаборатории. – Когда она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

– Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? – спросил Фильби.

– В будущее или в прошедшее – я не знаю наверное.

– Постойте, – сказал Психолог с воодушевлением. – Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь

отправилась.

- Почему? - спросил Путешественник по Времени.

- Потому, что если она не двигалась в Пространстве и направилась в будущее, то она все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

- А если бы она направилась в прошлое, - добавил я, - то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг, и так далее!

- Серьезные возражения! - заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

- Нисколько, - ответил тот и, обращаясь к Психологу, сказал: - Вы сами легко можете им это объяснить. Эта встреча вне восприятия, неуловимая чувством.

- Конечно, - ответил Психолог, обращаясь к нам. - Это очень просто с психологической точки зрения. Я должен был бы раньше подумать об этом. Это может поддержать ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем заметить движения этой машины, как не можем указать на спицу вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. Точно так же, если машина движется в будущее с быстротой в пятьдесят или во сто раз больше, чем мы сами, если она проходит минуту времени, пока мы проходим секунду, то впечатление, которое она производит, равняется, конечно, только одной пятидесятой или одной сотой того впечатления, которое она произвела бы, если бы двигалась вместе с нами. Это совершенно ясно...

Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат.

- Вы видите? - сказал он смеясь.

Мы сидели и более минуты не отводили взгляда от пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил нас, что мы думаем обо всем этом.

- Все это кажется вполне правдоподобным сегодня вечером, - ответил Доктор, - но подождем завтрашнего здравого смысла.

– Не хотите ли взглянуть и на саму Машину Времени? – спросил Путешественник по Времени.

И, взяв в руки лампу, он повел нас к своей лаборатории по длинному холодному коридору. Ясно помню мерцающий свет лампы, широкий силуэт его крупной головы, наши пляшущие тени на стенах коридора. Мы следовали за ним удивленные и недоверчивые, а затем увидели в лаборатории большое, расширенное, так сказать, издание маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были еще детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем машина была готова. На скамье, рядом с чертежами, лежало несколько стержней, странно извитых. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руки один из них, чтобы получше рассмотреть. По-видимому, он был сделан из кварца.

– Скажите, – начал Доктор, – неужели это действительно серьезно? Или это шутка вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое Рождество?

– На этой машине, – сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, – я собирался исследовать Время. Разве это не ясно? Я никогда не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отнестись к его заявлению. Из-за плеча Доктора я встретился взглядом с Фильби, и он многозначительно подмигнул мне.

II

Мне кажется, что в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны для того, чтобы им можно было верить во всем. Вам всегда казалось, что он себе на уме. Вы никогда не были уверены в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или остроумной уловки. Если бы ту же самую модель демонстрировал нам Фильби и объяснил бы сущность дела теми же словами, мы проявили бы к нему значительно меньше

скептицизма. Мы понимали бы мотивы его действий: всякий колбасник был в состоянии понять Фильби. Но Путешественник по Времени по своему характеру был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, чем он, казались пустяками, когда их делал он. Достигать своих целей слишком легко – это большая ошибка. Серьезные люди, с уважением относившиеся к нему, никогда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки. Они всегда чувствовали, что их репутация умных людей была в его руках подобна хрупкому фарфору в руках ребенка.

Вот почему, как мне кажется, ни один из нас в течение последующей недели, от четверга до четверга, ни слова не сказал о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех. Видимая правдоподобность и вместе с тем практическая несообразность подобного полета, возможность изменения во время него всех прошлых событий нашей жизни и полный хаос, который вызвало бы такое обстоятельство, – все это занимало нас.

Что же касается меня лично, то я особенно интересовался фокусом с моделью. Помню, что я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел подобную же вещь в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как был сделан фокус, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд – я был одним из постоянных гостей Путешественника по Времени – и, приехав поздно, нашел уже четверых или пятерых знакомых, собравшихся в гостиной.

Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и часами в другой. Я огляделся, но Путешественника по Времени не было.

– Половина восьмого, – сказал Доктор. – Мне кажется, пора приступить к обеду.

– Где же хозяин? – спросил я.

– Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за обед в семь часов, если он не вернется. Говорит, что по приходе объяснит нам, в чем дело.

– Досадно, если обед испортится! – сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато были новые: Бленк, вышеупомянутый Редактор, один журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, в продолжение целого вечера не проронил ни слова.

За обедом начались всевозможные догадки о том, где находится Путешественник по Времени. Я полушутливо намекнул на путешествие по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся довольно длинно и малоинтересно рассказывать об «остроумном фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад.

В самой середине его рассказа дверь, ведущая в коридор, медленно и бесшумно открылась. Я сидел напротив нее и первый заметил это.

– А! – воскликнул я. – Наконец-то! – Дверь распахнулась еще больше, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

– Господи, что с вами случилось?! – воскликнул Доктор. Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был в пыли и грязи, и на рукавах виднелись какие-то зеленые пятна; волосы всклокочены и показались мне поседевшими от пыли, или от грязи, или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно бледно, и на подбородке виднелся темный полузаживший рубец. Выражение глаз было блуждающее и утомленное, как у человека, испытавшего тяжелые страдания.

Около минуты он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем пошел в комнату прихрамывая. Так хромают бродяги, когда они натирают ноги. Мы все молча смотрели на него, ожидая, что он заговорит.

Не произнося ни слова, он тяжело подошел к столу и протянул руку к бутылке. Редактор наполнил бокал шампанским и пододвинул к нему. Он осушил его залпом, и это, казалось, принесло ему пользу: он обвел взглядом весь стол, и на лице его мелькнула тень обычной улыбки.

– Что с вами случилось? – спросил Доктор. Путешественник по Времени, казалось, не расслышал его вопроса.

– Простите, что я встревожил вас, – сказал он запинаясь. – Подождите немного!..

Он замолчал и протянул бокал, чтобы в него налили снова вина, затем выпил, как прежде, залпом.

– Теперь хорошо, – сказал он.

Глаза его заблестели, и слабый румянец показался на щеках. Он взглянул на нас с неопределенным ободрением и два раза прошелся из угла в угол теплой и уютной комнаты... Затем снова заговорил, запинаясь и будто с трудом подыскивая нужные слова.

– Я пойду умоюсь и переоденусь, а затем вернусь и расскажу вам, в чем дело. Оставьте мне только кусочек баранины. Мне смертельно хочется мяса.

Он взглянул на Редактора, бывшего редким гостем, и справился, как он поживает. Редактор спросил его о чем-то.

– Дайте только одну минуту, и я отвечу вам, – сказал Путешественник по Времени. – Смотрите, в каком я виде. Через минуту все будет в порядке.

Он поставил стакан и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и на мягкий звук его шагов. Привстав со своего места как раз в ту минуту, когда он выходил из комнаты, я увидел его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит всякую лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

– Странное Поведение Знаменитого Ученого, – услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил всегда в форме газетных заголовков.

Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

– В чем дело? – спросил Журналист. – Что он, разыгрывает Бродягу-Любителя, что ли? Я ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом, и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, хромавшем теперь по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Прежде всех опомнился Доктор. Он позвонил – Путешественник по Времени не любил, чтобы слуги находились в комнате во время обеда, – и попросил подать следующее блюдо.

Проворчав себе что-то под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некоторое время разговор состоял из одних восклицаний удивления и пауз. Любопытство Редактора достигло крайней степени.

– Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? – начал он снова. – Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

– Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, – сказал я и стал продолжать рассказ Психолога о нашей предыдущей встрече. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

– Хорошенькое путешествие по Времени! – воскликнул он. – Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Найдя достаточно забавной эту мысль, он принялся представлять дело в смешном виде.

– Неужели в Будущем Времени нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел верить подобному абсурду и присоединился к Редактору в легком деле нанизывания насмешек и несообразностей. Оба представляли новый тип журналистов – веселых, разбитных молодых людей.

– Наш специальный корреспондент из послезавтрашнего дня сообщает, – начал, или, скорее, выкрикнул Журналист в ту минуту, как снова появился Путешественник по Времени.

Он был теперь в обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, на лице его не оставалось следов недавнего истощения, которое меня так поразило.

– Вообразите, – весело сказал Редактор, – эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о лорде Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнося ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному ему месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

– Где моя баранина? – спросил он. – Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

– Рассказ! – закричал Редактор.

– К черту рассказ! – сказал Путешественник по Времени. – Мне ужасно хочется есть. Не скажу ни слова, пока в меня не попадет немного мясного сока... Благодарю вас. Пожалуйста, и соль.

– Одно только слово, – проговорил я. – Вы путешествовали по Времени?

– Да, – ответил Путешественник по Времени с полным ртом, кивнув головой.

– Плачу по шиллингу за строчку! – сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой стакан и постучал об него пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил ему вина.

Конец обеда показался мне долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и думаю, что то же было и со всеми остальными. Журналист пытался поднять общее настроение, рассказывая анекдоты о Хетти Поттер. Но Путешественник по Времени был занят только своим обедом и проявлял аппетит подлинного бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, более обыкновенного чувствовал прилив застенчивости и нервно пил шампанское с особенной решительностью.

Наконец Путешественник по Времени отодвинул свою тарелку и обвел нас глазами.

– Я вижу, что нуждаюсь в оправдании, – сказал он. – Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось самое удивительное происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

– Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее над грязными тарелками.

И, позвонив по пути, он отвел нас в соседнюю комнату.

– Рассказали ли вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? – спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на трех новых гостей.

– Но ведь это был простой парадокс, – сказал Редактор.

– Сегодня я не в силах спорить. Рассказывать могу, но спорить не в состоянии. Если вы хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую ужасную потребность рассказать вам все. Знаю, что большая часть моего рассказа покажется вам вымыслом. Пусть так! Это все-таки будет правдой – от первого до последнего слова... Сегодня в четыре часа дня я находился в своей лаборатории, и с тех пор за три часа я прожил восемь дней!.. Восемь дней, каких не переживало еще ни одно человеческое существо! Я переутомлен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только засну. Но не прерывайте меня. Согласны?

– Согласен, – сказал Редактор.

И все мы повторили хором:

– Согласны!

Путешественник по Времени начал свой рассказ – тот самый, который я излагаю ниже. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его слова, я чувствую слишком глубоко полную несостоятельность пера и чернил и, главное, свою собственную неспособность передать характерные особенности его рассказа. По всей вероятности, вы прочтете его со вниманием, но вы не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите правдивой интонации его голоса. Вы не сможете представить себе, как, соответственно ходу рассказа, изменялось выражение его лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, и свет лампы падал только на лицо Журналиста и на ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на лицо Путешественника по Времени.

III

– В прошлый четверг я излагал уже некоторым из вас устройство моей Машины Времени и показывал ее, еще незаконченную, в своей мастерской. Там находится она и сейчас, правда, немного испорченная путешествием. Один из ее костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности.

Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, я заметил, что одна из никелевых полос на целый дюйм короче, чем нужно. Я должен был снова переделывать ее. Вот почему моя Машина оказалась готовой только сегодня. В десять часов утра первая из всех Машин Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, капнув немного масла на кварцевый стержень, сел в седло.

Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к своему виску, ощущает такое же странное чувство, какое испытывал я, когда одной рукой взялся за рычаг-отправитель, а другой – за тот, который останавливает движение. Я быстро нажал первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачнулся и почувствовал, как будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглянувшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого.

Произошло ли что-нибудь?.. На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теоретические предположения ошибочны. Я посмотрел на часы. Мгновение назад, как мне казалось, часы показывали десять с небольшим, теперь – около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками надавил на рычаг-отправитель. Я почувствовал толчок. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому, не замечая меня, помчалась к двери в сад. Для того чтобы пройти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я надавил рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, а в следующее мгновение уже рассвело. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее все чаще и чаще. У меня шумело в ушах, и странное смутное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений путешествия по Времени. Чтобы понять меня, их надо испытать самому. Они удивительно неприятны. Вы испытываете чувство, как будто мчитесь куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой! Предчувствие ужасного неизбежного падения не покидает вас...

Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам черных крыльев. Скоро смутное ощущение окружающей меня лаборатории внезапно исчезло, и я увидел солнце, каждую минуту делающее прыжок по небу от востока до запада и каждую минуту отмечающее новый день. Я решил, что лаборатория кругом меня уничтожена, а я очутился под открытым небом. У меня было впечатление, что здесь что-то строится, но я мчался по Времени слишком быстро, чтобы замечать подробности. Самая медленная из улиток мчалась для меня слишком быстро.

Мерцающая смена темноты и света была очень мучительна для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния и до полнолуния, видел слабое мерцание бежавших за нею звезд. И вот, когда я продолжал мчаться таким образом со все увеличивающейся скоростью, день и ночь слились наконец для меня в одну непрерывную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, которым отличаются ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в одну огненную полосу, блестящую дугой с востока до запада, а луна – в такую же полосу слабо струившегося света. Я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там более яркие круги, опоясавшие небесную синеву.

Расстилавшийся вокруг меня пейзаж был смутен и туманен. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина холма подымалась передо мною серая и неясная. Я видел, как деревья выросли подобно клубам дыма: то желтеющие, то зеленеющие, они, мелькая, росли, расширялись и исчезали. Я видел, как появлялись огромные великолепные здания и снова исчезали, как сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, отмечавшие скорость машины, вертелись все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, заменившая солнце, отклонялась то к северу, то к югу – от летнего солнцестояния к зимнему, – показывая этим, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту белый снег покрывал землю и сменялся яркой зеленью весны.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Они перешли в какое-то истерическое упоение. Я замечал странное качание Машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия бросил себя в будущее. Я не думал об остановке, не думал почти ни о чем другом, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти новые ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом.

«Какое удивительное развитие человечества, какие чудесные достижения прогресса сравнительно с нашей зачаточной цивилизацией, – думал я, – могут открыться передо мною, если я взгляну поближе на смутный и мелькающий мир, мчащийся и изменяющийся перед моими глазами!»

Я видел, как вокруг меня подымались огромные здания чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались сотканными как будто из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью, неизмеримо богаче нашей, и она оставалась на нем

все время без зимних перерывов. Даже сквозь дымку моего смутного состояния окружающая местность показалась мне удивительно прекрасной. И я почувствовал желание остановиться.

Риск остановки заключался в том, что я мог найти пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это почти не имело значения: я находился, так сказать, в разжиженном состоянии, подобно пару, скользил в промежутках встречающихся веществ. Но остановка влекла за собой втискивание меня молекула за молекулой в то, что находилось на месте моей остановки. Атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами окружающей среды, что между теми и другими могла произойти сильная химическая реакция – возможно, огромный взрыв, который отправил бы меня вместе с моим аппаратом по ту сторону всех возможных измерений, в Неизвестность. Эта перспектива не раз приходила мне на ум, пока я изготавливал Машину, но тогда я считал, что это неизбежный риск – один из тех, от которых не может избавиться человек! Теперь же, когда опасность стала неминуема, она уже более не представлялась мне в таком розовом свете. Дело в том, что полная новизна окружающего, утомительное колебание и дрожание машины, а главное, ощущение непрерывного падения – все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, в порыве самопротиворечия, тотчас же решил это сделать. Как нетерпеливый глупец, я надавил рычаг, в то же мгновение Машина перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня гудело, как от удара грома. С минуту я был почти оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Кругом меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг меня еще продолжало казаться серым. Скоро я почувствовал, что шум в ушах у меня прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, окруженной рододендронами, и лиловые и пурпурные цветы падали вокруг меня на землю под ударами града. Отскакивающие от земли танцующие градины летели над моей Машиной, таяли и мокрым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, милое гостеприимство, – промолвил я, – так встретить человека, который промчался сквозь множество лет».

Подумав, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь дымку тумана за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Ничего другого нельзя было рассмотреть.

Трудно передать мои ощущения. Когда град поредел, я яснее разглядел белую фигуру. Она была очень велика – огромный серебристый тополь доходил только до ее плеча. Ее сделали из белого мрамора, и походила она на крылатого Сфинкса. Но его крылья не прилегли к телу, а были распростерты. Казалось, будто он собирается взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью. Лицо Сфинкса было как раз обращено ко мне, его неподвижные глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила тень улыбки. Он был сильно попорчен непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, может быть, с полминуты, а может, и с полчаса. Казалось, что он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал перед ним град. Наконец я на минуту отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо почти прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и внезапно ощутил всю отчаянность своего путешествия. Что предстанет предо мною, когда совершенно исчезнет этот туман дождевой пыли? Разве с людьми не могла произойти за это время полная перемена? Что, если люди стали еще более жестокими? Что, если за это время они совершенно утратили свой человеческий облик и превратились во что-то нечеловеческое, неприятное и подавляюще сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное, чем первобытные ящеры, благодаря своему человекоподобию, – мерзкую тварь, которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел другие, более отдаленные очертания – огромные здания с затейливыми перилами и высокими колоннами. Они отчетливо выделялись на фоне лесистого холма, который сквозь утихающую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мною. Как безумный, я бросился к Машине Времени и старался привести ее в порядок.

Столбы солнечного света пробились тем временем сквозь грозные облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних клочков грозных облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестящие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудками нерастаявших градин.

Я почувствовал себя совершенно незащищенным в этом странном мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, летящая в воздухе, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы и руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она подалась под моим отчаянным натиском и, наконец, перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой – за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с открывшейся для меня возможностью быстрого отступления мужество снова вернулось ко мне. С чувством большого любопытства и уменьшающимся страхом я взглянул на этот мир отдаленного будущего. Под аркой входа в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур, одетых в красивые одежды. Они меня тоже видели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал звуки приближающихся голосов. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих ко мне людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую прямо к маленькой лужайке, где я находился вместе со своей Машинной. Это было маленькое создание – около четырех футов ростом, одетое в пурпурную тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были сандалии или туфли. Колени были обнажены, и голова не покрыта. Заметив эту легкость одежды, я впервые почувствовал, какой теплый был воздух.

Подбежавший ко мне человек произвел на меня впечатление удивительно прекрасного, грациозного, но чрезвычайно хрупкого существа. Его залитое нежным румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой девушек, – ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При взгляде на него ко мне внезапно вернулось чувство доверия. Я отдернул руку от Машинной.

IV

В следующее мгновение мы уже стояли лицом к лицу – я и это хрупкое создание далекого будущего. Он прямо и смело подошел ко мне и приветливо засмеялся. Это полное отсутствие страха предо мной чрезвычайно поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые следовали за ним, и заговорил с ними на

странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подошли другие. Скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на мои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине.

Они хотели убедиться, что я действительно живое существо. В их движениях не было решительно ничего внушающего тревогу. Наоборот, в этих хорошеньких маленьких созданиях было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность обращения. К тому же они выглядели такими хрупкими, что, казалось, можно было совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, – целую дюжину одним толчком.

Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вспомнил об опасности ее неожиданного исчезновения, о которой совершенно забыл, и, нагнувшись над стержнями, вывинтил маленькие рычаги, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы войти с ними в более близкие сношения.

Вглядевшись пристальнее в их лица, я заметил новые особенности в их изящной красоте, напоминающей дрезденский фарфор. Их волосы, одинаково кудрявые у всех, кончались у шеи, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши у них были поразительно миниатюрны. У всех был маленький рот с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами и небольшой остrokонечный подбородок. Глаза были большие и кроткие, но – не считите это за тщеславие! – в них недоставало выражения того огромного интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они не делали дальнейших попыток заговаривать со мной и стояли вокруг меня, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными, воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал им рукой на Машину Времени и потом на самого себя. Затем, после минутной нерешительности, не зная, как лучше выразить понятие о Времени, указал им на солнце. Тотчас же одно изящное, хорошенькое

существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно поразив меня, произвело своим ртом легкую имитацию грома.

На мгновение я пришел в замешательство, хотя смысл жеста был вполне ясен. Меня внезапно осенила мысль: не имею ли я дело с существами, лишенными самых элементарных знаний? Вы не поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди восьмьсот второго тысячелетия, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он серьезно спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы?

Я увидел, что это согласуется с их цветной одеждой, хрупким, изящным сложением и нежными чертами лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Кивнув головой, я указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха... Но тотчас снова ободрились, и один из них, смеясь, подошел ко мне, держа в руке гирлянду чудных и совершенно незнакомых мне цветов. Он обвил ими мою шею под одобрение остальных. Все они принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать их вокруг меня, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания.

Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные и нежные цветы создала культура невообразимо громадного числа лет. Кто-то из них подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем общественном здании, и они повели меня к высокому серому с растрескавшимися камнями дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я вспомнил с неудержимым припадком веселости, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад глубокую серьезность и разумность будущих поколений.

Здание, куда меня вели, имело огромный вход, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все растущую толпу маленьких нежных людей и зияющий передо мной вход – темный и таинственный. Общее впечатление от окружающей природы было таково, как будто весь мир покрылся густой зарослью красивых кустов и цветов и имел вид

давно запущенного, но все еще прекрасного сада. Я видел высокие стебли и нежные чаши странных белых цветов. Они были около фута в ширину, имели прозрачный восковой оттенок и росли в диком виде, разбросанные посреди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько исследовать их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Арка входной двери была чудесной резной работы, но, конечно, я не успел ее внимательно рассмотреть. Когда я проходил под ней, мне показалось, что она была в старофиникийском стиле, и меня поразило, что резьба была сильно попорчена и стерта от времени.

Под мелодичные взрывы смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько фигур, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел к ним в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня был довольно забавный. Я стоял весь увешанный гирляндами цветов и окруженный волнуемой толпой, одетой в светлые, мягко окрашенные одежды и сверкающей белизной своих обнаженных рук, смеющейся и мелодично воркующей.

Большая дверь вела в огромный коричневый зал. Потолок его оставался в тени, а в окна, сделанные из ярких цветных, частично выбитых стекол, вливался мягкий, приятный свет. Пол зала состоял из огромных плит какого-то очень твердого белого металла: шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Среди зала стояло множество низких столов, сделанных из глыб полированного камня, высотой не больше фута, – на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде гипертрофированной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои проводники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды прямо руками и бросать шелуху и остатки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Утолив их немного, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразило его обветшалый вид. Цветные оконные стекла, представлявшие простые геометрические фигуры, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси обветшали и были покрыты густым слоем пыли.

Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, был отбит. Несмотря на это, зал был удивительно богат и живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них теснилось вокруг меня. Их глаза весело блестели и белые зубки изящно трудились над уничтожением плодов. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди отдаленного будущего были строгими вегетарианцами, и на время жизни у них я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на свою потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки уже вымерли в это время, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один сорт (сезон которого, по-видимому, длился все время моего пребывания) с мучнистой мякотью в трехгранной скорлупе. Он сделался моей главной пищей. Я был сильно поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, кто их приносит: только позднее я начал это понимать.

Таков был мой первый фруктовый обед в отдаленном будущем. Как только я немного насытился, я решил сделать попытку научиться языку новых для меня людей. Ясно, что это было необходимо. Плоды показались мне достаточно подходящим предметом для начала изучения, и, взяв один из них, я постарался объяснить при помощи ряда вопросительных звуков и жестов. Мне стоило considerable труда заставить меня понять. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Они принялись болтать и объясняться друг с другом, и все наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить изящные короткие слоги их слов вызывали новые взрывы их неподдельного веселья. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Упорствуя в начатом, я скоро заучил десятка два имен существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким созданиям, и я почувствовал, что они избегают моих вопросов. По необходимости пришлось получать уроки маленькими дозами и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого желали. Скоро я заметил, как малы были посильные для них дозы: я никогда не встречал более беспечных и так быстро утомляющихся людей.

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, снова уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда обед и мои расспросы кончились, я впервые обратил внимание на то, что в зале уже не было почти никого из тех, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я миновал портал и вышел на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество таких же маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и весь окружающий ландшафт был окрашен теплыми лучами заходящего солнца. Здесь все казалось удивительно странным. Все окружающее так не походило на тот мир, который я знал, – все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, находилось на склоне большой речной долины, но Темза, по меньшей мере, на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежащего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в 802701 году, – именно эту дату показывал циферблат моей Машины.

По дороге я искал хоть что-нибудь, что помогло бы мне объяснить то состояние разрушающегося великолепия, в каком я нашел мир, так как это великолепие было, несомненно, разрушающимся. Немного вверх по холму находились огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, огромный лабиринт отвесных стен и расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росло удивительно красивое растение. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудный коричневый цвет и не были жгучими, как у современной крапивы. Вблизи были заброшенные руины какого-то огромного здания, неизвестно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Сев на склон холма, где я решил немного отдохнуть, и оглядевшись вокруг, я увидел, что нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», – сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла и другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной. Внезапно я заметил, что на всех была почти одинаковая одежда разных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность членов. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, – но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом – ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этого времени отличались удивительно ранним развитием, по крайней мере в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

При виде довольства и безопасности, в которой жили люди, полное сходство полов мне стало вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и дифференциация отраслей труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение достигло равновесия, где насилие – редкое явление и о потомстве заботится государство, является меньшая необходимость, даже нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает.

Начало этого явления замечается и в наше время, а в том отдаленном будущем оно уже было вполне закончено. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя об этом, я невольно обратил внимание на хорошенькую маленькую постройку, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня на мгновение мелькнула мысль: как это странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился в свои размышления. На всем пути к вершине холма не было никаких других больших зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как моя походка была для окружающих невероятно быстрой. С чувством свободы и своего необыкновенного положения я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого незнакомого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и наполовину скрыта в мягком мхе; ручки ее, сделанные в виде голов грифонов, были поломаны. Я сел и принялся смотреть на широкий простор окружающего мира, освещенного лучами догоравшего дня.

Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом вечерней зари, по которой горизонтально тянулись легкие пурпурные и малиновые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно струе блестящей стали, дугою текла Темза. Большие старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны всюду посреди разнообразной зелени; некоторые представляли уже руины, другие были еще обитаемы. Тут и там, в обширном саду земли, виднелись белые или серебристые изваяния; тут и там подымались кверху острые вертикальные линии куполов и обелисков. Нигде не было никаких изгородей, не было даже и следов собственности и никаких признаков земледелия; вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая таким образом, я старался объяснить себе все, что видел, и вот в каких формах вылились в тот вечер мои размышления. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я застал человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса заката навела меня на мысль о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные результаты, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; безопасность ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни – истинный прогресс цивилизации, приводящей все к большей и большей безопасности наше существование, – неизбежно должно привести к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало свои победы над природой. Вещи, которые в наши дни являются одними мечтами, превратились в искусно задуманные и приведенные в исполнение проекты.

И вот какова оказалась жатва!

Современное оздоровление человечества и современное земледелие находятся еще в зачаточном состоянии. Наука нашего времени объявила войну лишь малой части человеческих бедствий, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы уничтожают то тут, то там ненужные растения

и возделывают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как хотят за свое существование. Мы улучшаем излюбленные нами немногие виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы разводим то новый, лучший, сорт персика, то виноград без зерен; более душистый и более крупный цветок; более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, наудачу, потому что наши представления об их идеальном совершенстве смутны и вырабатываются путем опыта, а наши знания крайне ограничены, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках.

Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на свои приливы и отливы, поток времени все стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, коллективно трудящимся; все поведет к быстрейшему и полнейшему подчинению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших собственных человеческих потребностей.

Это окончательное приспособление условий действительно и совершилось в тот промежуток времени, через который промчалась моя Машина. Воздух освободился от комаров и мошек, земля – от сорных трав и плесени. Повсюду появились сочные плоды и душистые очаровательные цветы; ярко окрашенные бабочки стали летать повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания я не видел даже и следов заразных болезней. Благодаря этим изменениям даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы как политической, так и социальной. Торговля, промышленность и все, что составляет основу нашей государственной жизни, исчезло из этого мира Будущего.

Было вполне естественно, что в тот вечер золотистого заката я невольно сравнивал окружающий меня мир с социальным раем. Неудобства перенаселения исчезли, так как население перестало увеличиваться.

Но с изменением условий неизбежно связывается и приспособление к этим изменениям. Что является побудительной причиной человеческого ума и силы,

если только биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; такие условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, а слабый встречает непроходимую стену на своем пути в будущее; условия, дающие перевес честному союзу талантливых людей, перевес умению себя сдерживать, терпению и решительности.

Семья и возникающий отсюда ряд чувств: дикая ревность, нежность к потомству, родительское самоотвержение – все это находит в себе оправдание и поддержку в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. А теперь где эти опасности?

Уже начинает проявляться протест против чувства супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всевозможного рода страстей; и этот протест будет все более и более усиливаться. Все эти чувства даже и теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и утонченной жизнью.

Я стал думать о физической слабости маленьких людей, об отсутствии у них умственной деятельности и об огромных окружающих меня развалинах: все это подтвердило мое предположение об окончательной победе, одержанной их предками над природой. После Борьбы наступил Покой.

Человечество было сильным, энергичным и знающим; люди употребили все свои силы на изменение возникших условий. А теперь измененные ими условия уже произвели свое действие на их потомков.

При новых условиях абсолютного довольства и обеспеченности беспокойная энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже и в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для сохранения человека, являются источником его гибели. Физическая храбрость и воинственность не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство – физическое или умственное – было бы совершенно неуместно. Я пришел к заключению, что в продолжение бесчисленных лет на земле не существовало опасности ни от войны, ни от насилия, ни от диких зверей, ни от болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде.

В этой жизни те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, и уже не были слабыми. Они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подтачивала его не имеющая выхода энергия. Не было сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий являлась доказательством последних усилий энергии человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии всех условий жизни, – это был последний росчерк той победы, после которой был заключен окончательный мир.

Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей последней цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже и эти артистические и моральные стремления в конце концов должны заглохнуть, – и они почти что заглохли в то Время, в котором я находился. Украшать себя цветами, танцевать и петь при солнечном свете – вот что осталось от артистического стремления, и это было все. Но и это в конце концов должно было выродиться в бездействие. Все наши чувства и способности изощряются только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я стоял в сгущавшейся вокруг меня темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил окончательную загадку мира и понял весь секрет этого очаровательного народа. Возможно, что средства для прекращения прироста населения оказались удачными, и число людей скорее уменьшалось, чем оставалось на постоянном уровне. Это объясняло пустоту стольких заброшенных дворцов...

Моя теория была достаточно ясна и достаточно правдоподобна, – как и большая часть всех ложных теорий!

V

Пока я стоял, размышляя над этим слишком полным торжеством человека, из-за серебристой полосы на северо-востоке выплыла желтая, выпуклая, полная луна. Маленькие светлые фигурки праздных людей перестали двигаться вниз, и меня тоже охватил холодный воздух ночи. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я оглянулся назад, ища знакомое мне здание. Мои глаза упали на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и по мере того как свет восходящей луны становился ярче, его фигура выступала все яснее. Я мог отчетливо рассмотреть стоящий около него серебристый тополь. Вот и густые кусты рододендронов, черные при свете луны, вот и небольшая лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное предчувствие закралось в мою душу.

«Нет, – решительно сказал я себе, – это не та лужайка».

Но это была та лужайка. Бледное, как бы изрытое проказой лицо Сфинкса было обращено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом окончательно! Машина Времени исчезла!

Как удар кнутом по лицу, меня обожгла мысль о возможности навсегда утратить свой собственный век, остаться беспомощным в этом новом и неведомом для меня мире! Эта мысль давала ощущение физического страдания. Я чувствовал, как сжалось мое горло и остановилось дыхание. В следующее мгновение ужасный страх овладел мною, и дикими прыжками я кинулся бежать вниз по откосу. Раз я упал и расшиб лицо; не теряя времени на то, чтобы остановить кровь, вскочил на ноги и продолжал бежать, чувствуя, как теплая струйка стекает вдоль щеки. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но, несмотря на это, бежал изо всех сил.

С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я все это время знал, что мое предположение безумно: инстинкт подсказывал, что Машина унесена куда-то, откуда ее нельзя достать. Я с трудом переводил дыхание. Расстояние от вершины холма до лужайки, составляющее около двух миль, было мною преодолено за десять минут. А ведь я не молодой человек. Я бежал и проклинал свое доверчивое безрассудство, побудившее меня оставить Машину, – это еще больше затрудняло мое дыхание. Попробовал громко кричать, но никто не отвечал мне. Казалось, ни одно живое существо не шевелится на залитой лунным светом земле!

Когда я добежал до лужайки, мои худшие опасения подтвердились: нигде не было видно и следа Машины. С холодом в сердце я смотрел на пустое место посреди черной чащи кустарников, потом быстро обежал его, как будто бы Машина могла быть спрятана где-нибудь в углу, и затем сразу остановился,

схватив себя за голову.

Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, по-прежнему бледный, как будто изрытый проказой, но ярко озаренный светом восходящей луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешить себя мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-нибудь навесом, если бы не был так уверен в их физической и умственной несостоятельности. Нет, меня ужасало теперь другое: здесь было проявление какой-то новой, до сих пор неведомой мне силы, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если какой-либо другой век не изобрел точно такого же прибора, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени. Способ прикрепления рычагов, – я после покажу вам, в чем он заключается, – не позволял никому воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Моя Машина была перенесена, спрятана где-то в Пространстве. Но где же она могла быть спрятана?

Я совершенно обезумел. Помню свои неистовые метания взад и вперед посреди освещенных лунным светом кустов, вокруг Сфинкса, помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при смутном свете мне показалось небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока от сломанных сучьев руки не покрылись кровью и ранами. Затем, рыдая, в полном изнеможении от охватившего меня отчаяния я направился вниз к большому каменному зданию, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав себе ногу, потом зажег спичку и пошел дальше, мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Там, дальше, находился второй большой зал, устланный подушками, на которых спали около двадцати маленьких людей. Без сомнения, мое второе появление показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул перед ними в ночной тишине с моими нечленораздельными криками отчаяния и зажженной спичкой в руке. Спички были уже позабыты в это Время.

«Где моя Машина Времени?» – кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их с подушек и встряхивал полусонных. Вероятно, это их очень поразило. Некоторые из них смеялись, но большинство казались сильно испуганными. Когда я увидел их, испуганно собравшихся вокруг меня, я понял, что поступаю самым безрассудным образом, стараясь пробудить в них страх. Вспоминая их поведение днем, я мог заключить, что это чувство совершенно ими

позабыто.

Внезапно бросив спичку и свалив с ног кого-то попавшегося на пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались крики ужаса и топот маленьких ножек, бегущих и спотыкающихся, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал тогда при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная Бога и судьбу. Помню, как я истомился в эту длинную ночь отчаяния, как беспорядочно осматривал разные неподходящие места, как ощупью пробирался посреди освещенных лунным светом развалин, натываясь в темных углах на странные белые существа; помню, как в конце концов упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину... Я ничего не чувствовал, кроме своего несчастья... Потом незаметно уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгала пара воробьев.

Я сел, обвеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как сюда попал и почему все мое существо полно чувством одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо новым обстоятельствам. Я увидел всю нелепость своего вчерашнего безумия и принялся рассуждать сам с собою.

«Предположим самое худшее, – говорил я. – Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать о причине своей потери, разузнать, нельзя ли найти нужные мне материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, смогу сделать и новую Машину. Это остается теперь моей единственной надеждой, правда, очень слабой, – но все же надежда лучше отчаяния. Во всяком случае, я нахожусь в прекрасном и любопытном мире.

Очень вероятно, что моя Машина куда-нибудь запрятана. Значит, я должен оставаться спокойным и терпеливым, отыскать то место, где она спрятана, и постараться добыть ее силой или хитростью».

С такими мыслями я вскочил на ноги и осмотрелся кругом, ища, где бы можно было выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и было грязно. Утренняя свежесть вызывала во мне желание стать чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то изумился своему вчерашнему чрезмерному возбуждению.

Я тщательно исследовал поверхность земли на маленькой лужайке. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо меня маленьких людей, насколько это было для меня возможно. Никто не понимал моих жестов: одни казались тупыми, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не отхлестать их по прелестным смеющимся лицам. Безумное побуждение! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался взять верх надо мною.

Большую помощь оказала мне трава, густо покрывающая землю. На полпути между пьедесталом Сфинкса и следами моих ног, там, где по прибытии я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая колея. Здесь были видны и другие признаки передвижения: странные узкие следы ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивцев. Это побудило меня произвести более тщательный осмотр пьедестала. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Сделанный не из цельной глыбы, он был с обеих сторон причудливо разукрашен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Тщательно исследовав панели, я понял, что они не составляют одного целого с корпусом пьедестала. На них не было ни дверных ручек, ни замочных скважин, но возможно, что они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили дверями во внутренность пьедестала. Во всяком случае, одно было для меня достаточно ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда – это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей, одетых в оранжевые платья и шедших между кустарниками и цветущими яблонями ко мне. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукою. Когда они подошли ко мне, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить свое желание открыть его. Но при первом же моем жесте по направлению к пьедесталу они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я передать вам выражение, появившееся на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед деликатно воспитанной дамой, – так посмотрела бы она на вас. Они ушли с таким видом, как если бы получили грубое оскорбление. Я попытался затем подзвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне

стало стыдно. Но Машина Времени была мне совершенно необходима, и я сделал новую попытку. И третий прохожий с отвращением отвернулся от меня, как и другие. Я окончательно вышел из себя. В три прыжка я очутился около него и, обвив его шею полою платья, принялся тащить его по направлению к Сфинксу. Но на его лице вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я еще не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, – скорее, это был звук, подобный хихиканью, но, должно быть, мне показалось. Достав на берегу реки огромный булыжник, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и медная зелень не стала сыпаться на землю мелкими клочьями.

Нежный маленький народец должен был слышать ужасный грохот моих ударов на расстоянии мили во все стороны, но ничего из этого не вышло. Я видел целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Разгоряченный и усталый, я опустился на землю, но был слишком нетерпелив, чтобы долго сидеть на одном месте, и был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я был в состоянии годами трудиться над разрешением какой-нибудь задачи, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было свыше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить по кустарникам. Потом направился к холму.

«Терпение, – сказал я себе. – Если ты хочешь вновь получить свою Машину, то оставь Сфинкса в покое. Если кто-то хочет отнять ее у тебя, ты не принесешь себе пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у него нет злого намерения, ты получишь ее обратно, как только сумеешь попросить об этом. Бессмысленно метаться среди незнакомых тебе предметов, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг себя. Изучи нравы этого мира, наблюдай его, остерегайся слишком поспешных заключений! В конце концов ты найдешь ключ ко всему!»

Мне ясно представлялась также и комическая сторона моего приключения: я подумал о годах, проведенных в изучении и работе только для того, чтобы попасть в будущее и изучить его, и сопоставил с этим свое теперешнее нетерпение поскорее выбраться назад. Я своими руками изготовил себе самую

сложную и самую безнадежную ловушку, какая когда-либо могла быть создана человеком. И хотя приходилось смеяться только над самим собой, но я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в залу большого дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, это мне только казалось, но их отчуждение могло иметь связь с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день или два все вошло в обычную колею. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и вдобавок урывками производил свои исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем из виду какие-нибудь тонкие оттенки, но он почти исключительно состоял из имен существительных и глаголов. Отвлеченных терминов было мало, или, скорее, совсем не было, так же как и образных выражений. Фразы их были обыкновенно несложны и состояли только из двух слов. Мне не удавалось схватить или понять ничего, кроме простейших вопросов и ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок своей памяти, пока накопившиеся познания не приведут меня к ним естественным путем. Но какое-то, без сомнения, понятное вам чувство все время удерживало меня вблизи от места моего прибытия.

Насколько я мог судить, на всем окружающем меня мире лежала та же печать изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; я видел всюду те же разбросанные чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. То тут, то там отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали голубоватой полосой тянулись волнистые гряды холмов и исчезали в прозрачной синеве воздуха.

Странной особенностью ландшафта, которая еще с первого раза привлекла к себе мое внимание, были круглые колодцы, достигавшие, казалось, во многих местах очень большой глубины. Один из них находился на тропинке к вершине холма, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и прочие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и смотря вниз, в непроглядную темноту, я не мог заметить в них никакого отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек. Но во всех них слышался какой-то шум: «тук, тук, тук», напоминавший работу огромных машин. По колебанию пламени спички я

убедился, что в глубь колодца поступал постоянный приток свежего воздуха. Потом я бросил в отверстие одного из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро понесся вниз и исчез.

Скоро я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями по склонам холмов существует связь. Над ними можно было часто заметить колебания воздуха, вроде того, какое бывает в жаркий день над знойным берегом моря. Связав все это вместе, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами служили системой какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что они имеют какое-нибудь санитарное назначение. Это заключение невольно приходило в голову, но оказалось потом неверным.

Вообще следует сознаться, что во время своего пребывания в этом реальном будущем я узнал очень мало относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. Во всех прочитанных мною до сих пор утопиях и рассказах о Грядущих Временах я всегда находил огромное количество деталей, касающихся зданий, общественного устройства и тому подобного. Очень легко создать сколько угодно всяких деталей, когда весь будущий мир находится только в голове автора, но для путешественника, находившегося, подобно мне, в незнакомой действительности, почти совершенно невозможно узнать обо всем этом в короткое время.

Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон. Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефонах и телеграфах, транспортных конторах и почтовых учреждениях? Ровно ничего, если мы сами не пожелаем объяснить ему! И даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он это своим не путешествовавшим друзьям? Насколько они поймут его и поверят этому? Однако негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как промежуток между мною и этими людьми Золотого Века был невообразимо громаден! Я допускал существование многого, что было невидимо, но служило для общего комфорта. Помимо общего впечатления какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу рассказать вам лишь очень немногое.

Я нигде не видел никаких следов крематория или чего-либо подобного, говорящего о смерти. Однако было весьма возможно, что существовали кладбища (или крематории) где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые сразу возникли передо мною и разрешить

которые я совершенно не был в состоянии в первые дни моего пребывания. Это отсутствие кладбищ меня поразило и повело к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Я должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходящем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот каковы были мои затруднения: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями – огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде никаких машин или других подобных приспособлений. А между тем эти люди были одеты в прекрасно выделанные платья, требовавшие по временам перемены, и их сандалии, хотя и без всяких украшений, представляли собой образец прекрасных и сложных металлических изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких творческих склонностей. У них не было ни лавок, ни мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании в реке, в полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог постичь, на что опирался подобный общественный строй.

Точно так же с Машиной Времени: что-то мне неведомое спрятало ее в пустом пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я не мог бы ответить на этот вопрос! Так же, как и относительно безводных колодцев и башен с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не находил ключа к этим загадочным предметам. Я чувствовал... как бы мне это объяснить вам? Представьте себе, что вы нашли бы надпись с отдельными фразами на хорошем английском языке, и вдруг эти фразы оказались бы перемешаны с другими, составленными из слов и букв, вам совершенно незнакомых? Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир в 802701 году!

В этот день я приобрел себе в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в неглубоком месте реки, с кем-то из них случилась судорога и его стало уносить вниз по течению реки. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам маленькое понятие о странной психике этих созданий, я укажу вам лишь на то, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти кричавшую бедняжку, которая тонула на их глазах. Увидя это, я быстро разделся, побежал вниз по течению и, войдя в воду, схватил ее на руки и легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я имел

удовольствие видеть, как она совершенно оправилась, прежде чем я ее оставил. Я был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал за мою помощь никакой благодарности. Но в этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня я снова встретил эту маленькую женщину, возвращаясь после своих исследований. Она подбежала ко мне с криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно, приготовленную специально для меня.

Это маленькое создание очень заинтересовало меня. Очень возможно, что я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей свое удовольствие по поводу подарка. Мы оба сидели в небольшой каменной беседке, занятые разговором, состоящим преимущественно из улыбок. Расположение ко мне маленького создания радовало меня, как радовало бы расположение ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее зовут Уиной, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между ней и ее именем было какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась – расскажу вам потом!

Уина была совершенно как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришло в голову нелепое желание утомить ее и наконец оставить одну, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в будущее, повторял я сам себе, чтобы заниматься миниатюрным флиртом. Однако ее отчаяние было слишком велико, а ее жалобы, когда она начала отставать, дошли до исступления. Ее привязанность тронула меня, я возвратился, и с этих пор она стала доставлять мне столько же заботы, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что у нее ко мне была лишь простая детская привязанность, и только потом, когда уже было слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже одним тем, что она выказывала любовь и заботливость, это маленькое кукольное существо вызывало во мне при возвращениях в окрестности Белого Сфинкса как бы ощущение возвращения домой, и каждый раз, достигнув вершины холма, я принимался отыскивать глазами знакомую фигурку в белой, окаймленной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и чувствовала ко мне самое трогательное доверие. Однажды

на меня напало глупое желание испугать ее страшными гримасами, но она весело смеялась. Она боялась только темноты, густых теней, черных предметов. Удивительно страшной казалась ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это навело меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты эти маленькие люди собирались в большие здания и спали все вместе. Войти к ним ночью – значило произвести среди них смятение и ужас. После наступления темноты я не видел никого, кто бы вышел на воздух или спал отдельно под открытым небом. Но я все еще был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на отчаяние Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Это сначала ужасно беспокоило ее, но наконец сильная привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей во время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа.

Должно быть, это было в ночь, предшествующую ее спасению, – я проснулся на рассвете. Ночь прошла беспокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море, и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздрогнув, я проснулся, и мне смутно почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я пытался снова заснуть, но тревога и беспокойство уже овладели мною. Это был тот ранний час, когда предметы начинают только что выступать из окружающей темноты, когда все вокруг становится бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал, прошел в большой зал и, продолжая идти по плитам, вышел на воздух перед дворцом. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна заходила. Ее последнее умирающее сияние и первые бледные проблески наступающего дня смешивались в один таинственный полусвет. Кусты казались чернильно-черными, земля – темно-серой, а небо – бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Подымаясь по его склону, я три раза видел какие-то белые фигуры. Два раза мне показалось, что я вижу какое-то одинокое, белое, обезьяноподобное существо, быстро бегущее на вершину холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они уносили какой-то темный предмет. Они быстро двигались, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, что как будто они скрылись в кустах. Все вокруг было еще неясным. Меня всего охватило то неопределенное, предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не доверял своим глазам.

Когда на востоке показалась заря и лучи дневного света возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов моих белых фигур. По-видимому, это были просто тени.

«Вероятно, это привидения, – сказал я себе. – Желал бы я знать, какому времени они принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил забавный парадокс Гранта Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому вовсе не было чудом, что я увидел сразу четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успокоила меня, и в продолжение всего утра я думал о белых фигурах, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Каким-то смутным образом я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых бешеных поисках своей машины. Приятное общество Уины на время отвлекло меня, но, несмотря на это, скоро белые фигуры всецело овладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, солнце стало теплее, а может быть, к нему приблизилась земля. Принято утверждать, что солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с некоторыми научными теориями, вроде теории младшего Дарвина, забывают о том, что в конце концов планеты должны одна за другой приближаться к своему центральному светилу и падать на него. После каждой из таких катастроф солнце должно будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла в то время одну из внутренних планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце тогда грело значительно сильнее, чем теперь.

И вот в одно очень жаркое утро, – насколько помню, четвертое по моем прибытии, – в то время как я собирался укрыться от жары и ослепительного блеска солнца в колоссальных руинах (недалеко от большого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудями, я открыл узкую галерею, конечные и боковые окна которой были завалены упавшими глыбами камня. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что при переходе от света к темноте цветные пятна поплыли у меня перед глазами и ничего нельзя было разобрать.

Внезапно я остановился как вкопанный. На меня из темноты смотрела пара глаз, блестящих от падавшего в галерею и отражавшегося в них дневного света.

Старый инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светившиеся глаза. Мне было страшно повернуться назад. На мгновение мне пришла в голову мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил его странный ужас перед темнотой...

Пересилив немного свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и нервно. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза как будто отпрыгнули в сторону и что-то белое пробежало мимо меня. Перепугавшись, я повернулся и увидел необычайное маленькое обезьяноподобное существо со странной, опущенной вниз головой, перебегавшее по освещенному пространству, находящемуся позади меня. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что оно было тускло-серого цвета и что у него были странные, большие, серовато-красные глаза; его голова и спина были покрыты светлыми волосами. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и поэтому мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках или же руки его были так длинные, что почти касались земли. После минутного замешательства я последовал за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог его найти, но скоро, в полнейшей темноте, наткнулся на одно из этих круглых колодцеобразных отверстий, о которых я уже говорил и которое было наполовину прикрыто упавшим столбом. В голове моей блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец?

Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое движущееся создание с большими блестящими глазами, упорно смотревшее на меня во время своего отступления. Оно заставило меня содрогнуться. Это было что-то вроде человекообразного паука! Пока оно спускалось вниз по стене колодца, я впервые заметил множество металлических подпорок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы, спускающейся в глубину. В ту же минуту догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, смотря в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо было тоже человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделился к этому времени на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными потомками нашего поколения. Это побелевшее отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником предыдущих веков.

Вспомнив о дрожании воздуха около колодцев и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение.

Но какую роль, хотелось мне знать, играл этот лемур в моей схеме окончательно установленной организации человечества? Каково было его отношение к беспечной ясности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в глубине этого отверстия?..

Я присел на край колодца, убеждая себя, что мне, во всяком случае, нечего опасаться подземных жителей и что мне необходимо спуститься туда для разрешения своих недоумений. И вместе с тем я чувствовал какой-то страх перед колодцем!

Пока я колебался, двое прекрасных надземных жителей, занимаясь любовной игрой, пробежали мимо меня из освещенного пространства в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, ужасно огорчились, увидя, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавший столб. Я уже говорил, что было не принято замечать эти отверстия. Как только я указал на него и пытался задать вопросы на их собственном языке, смущение их стало еще очевиднее, и они отвернулись от меня. Но спички мои их заинтересовали, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их.

Я еще раз попытался что-нибудь узнать относительно колодцев, но снова напрасно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попытаться узнать что-нибудь от нее.

Все мои представления о новом мире перевернулись и стали иными. У меня был теперь ключ для понимания важности этих колодцев, а также вентиляционных башен и моих таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о

судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с этим ко мне закралось смутное предчувствие о возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый взгляд. Ясно, что этот второй род людей был подземный. Три разных обстоятельства приводили меня к такому заключению. Редкое появление их на поверхности земли являлось, по-видимому, результатом их долгой, постоянной привычки к подземному существованию. На нее указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, проводящих свою жизнь в темноте, – как, например, белые рыбы в Кентуккийских пещерах. Большие глаза, отражающие свет, являются также характерной чертой ночных животных вроде кошки и совы. И, наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное, спотыкающееся, неуклюжее бегство в тень, эта особенная манера держать при свете голову лицом вниз – все это подкрепляло мою теорию относительно чрезвычайной чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, под ногами у меня земля должна быть изрыта тоннелями, и эти тоннели являются жилищами новой расы. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов – повсюду, кроме долины реки, – служило доказательством повсеместного разветвления этих тоннелей. Разве не естественно было предположить, что в искусственном подземном мире производилась работа, необходимая для благосостояния дневной расы?

Эта мысль была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел далее, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, как близка она к истине.

Мне казалось ясным как день, что постепенное расширение современного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом ко всему новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и дико невероятным, но даже и теперь существуют обстоятельства, которые указывают на возможность таких последствий. И теперь существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих красоты отделки; существует подземная железная дорога в Лондоне, устраиваются новые электрические подземные дороги и тоннели, существуют подземные мастерские и рестораны, и все они растут и размножаются. Очевидно, думал я, это стремление уйти для работ под землю прогрессировало до тех пор, пока постепенно вся промышленность не была изгнана с лица земли.

Она переходила все глубже и глубже в подземные мастерские, где рабочим приходилось проводить все большее и большее количество времени, пока, наконец...

Разве и теперь какой-нибудь лондонский рабочий не живет в таких искусственных условиях, что на деле является отрезанным от почвы родной земли?

А вслед за тем эта кастовая тенденция более богатого слоя людей, естественно вызванная растущей изысканностью их жизни, расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков – она ведь тоже ведет к постепенному захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых местностей недоступно для посторонних!

А эта все расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, происходящая от продолжительности и дороговизны высшего образования и от возрастающей легкости для богатых приобрести утонченные привычки, – разве не поведет она к тому, что соприкосновения между классами сделаются все менее возможными? Благодаря этому отсутствию общения и тесных отношений заключение браков между обоими классами, задерживающее теперь разделение человеческого рода на два отдельных вида, сделается в будущем все более и более редким. В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, преследующие в своей жизни исключительно удовольствия и красоту, а под землей окажутся все Неимущие – рабочие, приспособившиеся к подземным условиям своего труда. А раз они очутятся там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, они умрут с голоду или принуждены будут задохнуться. Те из них, которые окажутся неприспособленными или непокорными, вымрут. Мало-помалу, при постоянном равновесии такого порядка вещей, пережившие из Неимущих сделаются настолько же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно, возникнут и утонченная красота одних и выцветшая бледность других.

Окончательный триумф Человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах.

Это не был тот триумф духовного развития и общего коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него постепенно выработывалась настоящая аристократия, вооруженная усовершенствованными знаниями и деятельно трудившаяся для приведения к логическому концу современной индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над своими собратьями-людьми.

Такова была моя теория. У меня не было проводника-толкователя в духе утопических книг. Может быть, мое объяснение абсолютно неверно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное.

Однако даже и эта, по-своему законченная, цивилизация давно перешла свой зенит и находилась на пути к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению в росте, силе и умственных способностях. Это я мог видеть достаточно ясно. Что случилось с Подземными Жителями, я еще не подозревал, но то, что я до сих пор увидел, показывало, что «Морлоки», – как их называли обитатели Верхнего Мира, – ушли в своем изменении еще дальше от современного человеческого типа, чем «Элои», прекрасная надземная раса, среди которой я находился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась Морлокам моя Машина Времени? Я был теперь уверен, что это они похитили ее. Почему также Элои, если они были господствующей расой, не могли возвратить ее мне? Почему они так ужасно боялись темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем с ужасом отказалась отвечать на них. Она так дрожала, как будто совершенно не могла выносить этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может, слишком резко, она разразилась горькими слезами. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я. Я тотчас же перестал ее мучить расспросами о Морлоках и постарался только согнать с ее глаз эти следы человеческого происхождения. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно сжигал перед ней спичку.

Вам может показаться странным, что прошло два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания по только что открытому мною и, очевидно, надлежащему направлению. Я ощущал какой-то особенный ужас перед этими бледными фигурами. По цвету своей кожи они походили на полуобесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикасаясь к ним, я чувствовал, какими они были отвратительно холодными! Моя боязнь отчасти объяснялась моей симпатией к Элоям, отвращение которых к Морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

Всю следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье немного расстроилось. Опасение и беспокойство угнетали меня. Раз или два на меня нападало чувство сильнейшего страха, причину которого я не мог определить. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенный луною, спал маленький народец. В эту ночь с ними спала и Уина. Помню, как их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в своей последней четверти и наступят совершенно темные ночи, во время которых участятся появления этих белых лемурув, этих нового рода червей, пришедших на смену старым.

В продолжение двух последних дней меня не оставляло тревожное чувство, испытываемое обыкновенно человеком, уклоняющимся от исполнения неизбежной обязанности. Я был уверен, что могу получить Машину Времени, только смело проникнув в тайны Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться лицом к лицу с этой тайной. Если бы я имел товарища, быть может, было бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое ощущение, но мне непрестанно казалось, что за спиной мне угрожает страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности толкали меня уходить все дальше и дальше в своих разведках.

Идя в юго-западном направлении к более возвышенной местности, которая в наше время называется Комб-Вудом, я заметил далеко впереди, там, где находится городок Банстид XIX века, огромное зеленое здание, совершенно не похожее по стилю на все здания, виденные мною до сих пор. Своими размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад носил восточный характер. Окрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубовато-зеленым оттенком, он походил на дворец из китайского фарфора. Такая разница во

внешнем виде невольно наводила на мысль о его особом назначении, и я намеревался получше осмотреть его. Но я впервые увидел это место после долгого и утомительного скитания, когда день уже клонился к вечеру, и потому, решив отложить осмотр до следующего дня, вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины.

На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство относительно Зеленого Фарфорового Дворца было только особым родом самообмана, изобретенным мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейшей проволочки я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я быстро направился к тому, который находился ближе других, возле руин из гранита и алюминия.

Маленькая Уина, не зная ничего, бежала рядом со мной. Она, танцуя, проводила меня до колодца, но когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, ее охватило необычайно страшное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», – сказал я, целуя ее.

Опустив ее снова на землю и перегнувшись через барьер, я принялся ощупывать ведущие вниз скобы. Не могу не признаться, что делал это очень торопливо из страха, что моя решимость меня покинет! Уина сначала смотрела на меня в изумлении. Потом, испустив жалобный крик и бросившись ко мне, принялась оттаскивать меня своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление именно и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть немного резко, и в следующее же мгновение спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел над его краем полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на шатающиеся скобы, едва выдерживающие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься на глубину, может быть, двухсот ярдов. Спуск производился по металлическим прутьям, выступавшим из боков колодца, но так как они были приспособлены для более маленьких существ, то очень скоро я почувствовал себя утомленным. Нет, не только утомленным, но и приведенным в ужас! Один из прутьев неожиданно погнулся под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке.

После этого случая я не решался более останавливаться. Хотя я скоро почувствовал жгучую боль в руках и спине, все же продолжал спускаться так быстро, как только мог. Посмотрев вверх, я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, между тем как голова маленькой Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче и громче раздавался грохот машин. Все, кроме этого небольшого диска вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Ужасное беспокойство овладело мной. Мне пришла мысль снова подняться вверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться вниз. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением смутно увидел, или, скорее, почувствовал, направо от меня небольшое отверстие в стене колодца. Попав в него, я убедился, что оно представляло собой вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Руки мои ныли, спину ломало, и я весь дрожал от ужаса ожидаемого падения. Помимо всего другого, непроницаемая темнота сильно действовала на мои глаза. Воздух был наполнен гулом и жужжанием машины, накачивавшей в глубину воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gerbert-uells/mashina-vremeni-rasskazy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)